

Неоновые огни на стеклянных фасадах зданий разрезают город на причудливые геометрические фигуры. На рабочем столе Ван Сюаньдао календарь застыл на дате наступления сезона Малых холодов. В чайнике для оздоровительных напитков чай из семян дикого зизифуса настоялся до янтарного цвета, а на дне осели две ягодки годжи, до боли напоминая красные точки уведомлений в системе управления задачами.

— Брат Дао, AR-эффекты для управления по туризму... — Линь Сусинь принесла стопку документов высотой в полчеловека. Заколоченный в виде листа гинкго на её хвосте запуталась в проводе наушников. — Они требуют, чтобы траектория падения цифровых листьев соответствовала законам гидродинамики.

Ван Сюаньдао принялся перебирать чётки из туи. Аромат полыни, исходящий от древесины, вывел компьютер из спящего режима. В углу рабочего стола сиротливо лежал PDF-файл с заявлением об увольнении, переименованный в приложение к бизнес-плану Кофейни Сюаньци. Внезапно он вспомнил трещину на притолоке Западного флигеля — она идеально совпадала с разделительной линией кода на мониторе.

Цокот туфель менеджера проекта в полночной тишине офиса звучал особенно резко:

— Завтра инспекция министра туризма, всем работать всю ночь, донстроить систему! — Он бросил на стол три упаковки двойного эспresso. Фольгированная обертка холодно блестела под лампами дневного света.

Кто-то подложил экземпляр Дао Дэ Цзин под протекающую кофемашину в комнате отдыха. На намокших страницах расплылись чернила: Управлять людьми и служить Небу лучше всего через воздержанность. Когда Ван Сюаньдао вытащил остатки книги, на титульном листе от кофейных пятен уже пошла плесень. Линь Сусинь как раз добавляла мёд в отвар из лекарственных трав, на её термосе красовался новый стикер: В час Хай господствует меридиан Тройного обогревателя, избегать тонизирующих напитков.

— Попробуешь? — Она пододвинула к нему фарфоровую чашку с бледно-зеленым настоем, в котором плавал цветок жасмина. — Успокаивающий чай от Доктора Чэня, нейтрализует действие кофеина.

В тот момент, когда чай коснулся горла, Ван Сюаньдао вспомнил вкус чая Байлу, заваренного в исинском чайнике в Западном флигеле. В горле разлилось долгожданное послевкусие.

Ветер на крыше принес аромат османтуса из Парка культурно-творческих индустрий Уюэ. В треснувший исинский чайник добавили кожуру плодов архата. Ван Сюаньдао зажег благовония из плодов туи и принялся наблюдать, как дым в лунном свете сплетается в узор Тайцзи. На экране телефона высветилась 3D-модель от Су Цзинхао: барная стойка из древесины гинкго с отчетливыми годовыми кольцами, а фоновая стена выложена из страниц Важнейших принципов питания, сложенных в форме кофейных зерен.

— Сюаньдао! Выставочный зал метавселенной рухнул! — Крик программиста прорезал ночную тишину. Когда Ван Сюаньдао примчался на рабочее место, голографическое дерево гинкго

искажалось в вихре данных, превращаясь в пиксели. Он мельком увидел свой комментарий, спрятанный в коде: //Данные о реальных прожилках листьев собраны в Парке Уюэ.

Когда прогресс восстановления замер на 97 процентах, приложение для мониторинга здоровья выдало красный сигнал тревоги: пульс 128 ударов в минуту. Ван Сюаньдао сорвал фитнес-браслет и швырнул его в ящик стола; звон металла разбудил дремавшего стажера. Линь Сусинь молча протянула ему массажер для акупунктурных точек, от электродов еще исходило тепло полынного пластыря из Зала Цинъян.

В четыре часа утра аварийное освещение окрасило офис в темно-красные тона. Ван Сюаньдао вбил последнюю строку кода и сохранил файл под названием Реальные пейзажи Уюэ.rar. В истории правок остался комментарий: Посвящается настоящим гинкго — тем старым деревьям, что пережили бури года Усуй, им не место в блокчейне.

Кофемашина в комнате отдыха издала предсмертный хрип. Ван Сюаньдао достал припасенные кофейные зерна из Юньнани. Стук ручной кофемолки привлек внимание ночного охранника.

— Тоже увлекаетесь пуровером, инженер Ван? — Мужчина прислонился к дверному косяку. — Моя жена держит киоск с завтраками в Парке Уюэ, вечно говорит, что то старое дерево гинкго отгоняет злых духов.

Кофе в фильтре горкой лежал в воронке, температура воды замерла на 89 градусах. Ван Сюаньдао применил технику Феникс трижды кивает, которой его научил Старец Лу, и струя воды закружила в кружке золотистую воронку. Охранник, сделав глоток, округлил глаза:

— Чудеса! Даже мягче, чем отвары моей жены!

Шум принтера, печатающего заявление об увольнении, вспугнул ночную цаплю за окном. Ван Сюаньдао положил конверт под Дао Дэ Цзин, открытый на сорок четвертой главе: Кто знает довольство, тот не опозорится. Линь Сусинь свернулась калачиком на диване в переговорной, обнимая полуготовый лунный пряник с лекарственными травами, из которого просыпалась мука из пории кокосовидной.

Храп менеджера проекта эхом разносился по офису. Ван Сюаньдао кликнул мышкой, отправляя накопленные за годы материалы для моделирования на почту Су Цзинхао. Когда полоса передачи данных достигла конца, со стороны парка донеслась мелодия Жасмин, играемая поливальной машиной.

Когда утренний свет прорезал смог, Ван Сюаньдао стоял под деревом гинкго в Западном флигеле. Листья, еще влажные от ночной росы, коснулись лацканов его пиджака, создавая странный контраст с корпоративным бейджем. Старец Лу, проходя мимо с мечом для утренней тренировки, бросил ему медный ключ:

— В час Инь янская энергия только начинает расти, самое время подмести двор.

В офисе компании еще не зажгли свет, заявление об увольнении в почте HR числилось

непрочитанным. Ван Сюаньдао достал из ящика чётки из туи и нашел на подставке чайника записку от Су Цзинхао: Первый эскиз логотипа Кофейни Сюаньци уже зарегистрирован как авторское право. На обороте кофейным пятном был нарисован лист гинкго, а между его прожилками скрывались два иероглифа, написанные печатью: Хранить срединность.

На утреннем совещании менеджер проекта размахивал благодарственным письмом от управления по туризму:

— Наше дерево гинкго в метавселенной...

Ван Сюаньдао внезапно встал, чётки ударились о бейдж, издав чистый звук:

— Я прошу перевести меня в группу сбора натуральных данных. — В наступившей тишине он добавил: — Либо я увольняюсь.

Микроволновка в комнате отдыха победно запищала. Линь Сусинь, разогревавшая яйца с дудником, незаметно сунула ему в блокнот визитку Зала Цинъян. Ван Сюаньдао достал пропитанный кофе экземпляр Дао Дэ Цзин, положил на него свой бейдж рядом со словами о завершении дел, и щелчок магнитной застёжки встревожил пузырьки в кулере.

За матовым стеклом отдела кадров горел теплый свет. Когда HR протянул соглашение о расторжении договора, Ван Сюаньдао обвел пункт о неустойке:

— Как раз покроет расходы на воду и электричество в Западном флигеле за первый сезон.

Ручка, которой он подписывал документ, была подарком Су Цзинхао на свадьбу; на изгибе иероглифов его имени расплылось чернильное пятно.

Когда он вышел из лифта с картонной коробкой, охранник протянул ему термопакет:

— Жена просила передать кашу из гинкго.

На пластиковом контейнере был стикер: Киоск номер 7, Парк Уюэ. Ван Сюаньдао открыл крышку, и пар разбудил спящие кофейные зерна — те самые юньнаньские, спрятанные на дне коробки, смешанные с парой листьев, украденных с офисного деревца гинкго.

Скрип замка в Западном флигеле вспугнул воробьев. Ван Сюаньдао закопал бейдж в корнях дерева гинкго и, засыпая землей, нащупал холодный осколок фарфора — фрагмент дореволюционной таблички с надписью Спасать мир, практикуя медицину. Телефон завибрировал: Су Цзинхао прислала электронную версию разрешения от пожарной службы: Ци Кофейни Сюаньци пора подниматься.

Исинский чайник Старца Лу дымился на каменном столе. Ван Сюаньдао влил вчерашний холодный кофе, и трещина на керамике разделила жидкость на две рыбки Инь и Ян. Старец отпил немного и усмехнулся:

— Иностранный чай в древнем сосуде — есть в этом некий вкус просветления.

Воробьи клевали рассыпанную кофейную гущу, прыгая по каменным плитам в форме диаграммы Ба-гуа.

В сумерках Парка Уюэ зажглись фонари. Ван Сюаньдао разложил чертежи: размеры Западного флигеля поразительно совпадали с габаритами его офисного стола. В ящике из сандалового дерева, который принесла Су Цзинхао, соседствовали банки с кофе и ароматические саше с полынью. Она указала на трещину в балке:

— Сюда встроим светодиодную ленту, чтобы освещала метод оздоровления по двенадцати двухчасовкам из Трактата Желтого Императора.

Глубокой ночью Ван Сюаньдао сжег под деревом гинкго журнал сверхурочных работ. Пока пепел кружился в воздухе, в офисном здании проходил банкет в честь успеха метавселенной. В ленте соцсетей появилось обновление от Линь Сусинь: Улучшенная версия оздоровительного чая, на фото — Дао Дэ Цзин, пропитанный кофейными пятнами, а из-под страницы выглядывает край конверта с заявлением об увольнении.

Су Цзинхао настраивала температурный профиль ростера, аромат кофе, смешанный с запахом благовоний из листьев гинкго, просачивался сквозь дверные щели. Ван Сюаньдао отправил последние проектные документы в шредер, звук вращающихся ножей слился с ритмом кофемолки. Приложение для мониторинга здоровья выдало последнее предупреждение, он с улыбкой удалил программу и на экране выключения ввел: Обратный отсчет до запуска Кофейни Сюаньци — 3 дня.

Когда утренняя роса намочила чертежи, Ван Сюаньдао обнаружил у корней гинкго свежие побеги папоротника. Старец Лу прохаживался с клеткой для птиц, и дрозд внезапно звонко запел, стряхнув с ветвей утреннюю росу, словно дождь. Эти падающие серебряные капли сверкали в лучах восходящего солнца, и на мгновение ему показалось, что это отблеск его бейджа, оставленного в офисе.

<http://bllate.org/book/18481/1776493>